

Сацукевич А.И.

Абстракционизм и конечность: от феноменологии смерти к предельности искусства

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2025. Т. 25, № 1. С. 124–131.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 124–131.

Научная статья
УДК 141.319.8
DOI: 10.37482/2687-1505-V410

Абстракционизм и конечность: от феноменологии смерти к предельности искусства

Анна Игоревна Сацукевич

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
e-mail: AU10029@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0218-5902>

Аннотация. В статье отстаивается тезис, согласно которому общекультурный западный феномен смерти в философии – истории (Гегель, Маркс, Кожев), субъекта (Фуко), Бога (Ницше), субстанции (релятивизм, нигилизм), автора (Барт, Фуко), человеческого (Делез, Брайдотти, Ланд, Негарестани) – симметричен переходу от модуса феноменологического рассмотрения сознания к опыту абстрактного искусства, преодолевающего конечность. Абстракционизм выражает «художественную модель смерти», возможность истины конечности в эпоху «конца истории». Целью статьи является анализ абстракционизма как предела феноменологии сознания, где эстетические формы задают преодоление конечности человеческого существования. Конечность в абстракционистском творении перестает означать ограничение, открывая чистую возможность смерти. Предложенная концептуализация смерти через абстракционизм и феноменологию порождает парадоксальный зазор. С одной стороны, она сохраняет конечность «беспредметного» искусства, которое поддается феноменологическому рассмотрению, раскрывая эйдетический уровень произведения, с другой – прокладывает путь к трансгрессивной функции абстрактного искусства, демонстрируя конечность уже самой феноменологии, поскольку смерть не является феноменом. Тем самым воспроизводится модель «угасающей» жизни, или «вечной жизни» смерти и больших нарративов в доминионах культуры, – череда смертей в философии и искусстве воссоздается, так никогда и не заканчиваясь, что находит свое отражение в феноменологическом осмыслении. В то же время смерть субъекта, субстанции и конца истории уже произошла, что отображается в предельных выразительных формах, используемых абстракционизмом. Это говорит о «симметричности», или «коррелятивности», двух процессов – развития посткантiansкой философской мысли в рамках феноменологии и становления абстрактного искусства.

Ключевые слова: феноменология смерти, конечность, абстракционизм, современное искусство, эстетика

Для цитирования: Сацукевич, А. И. Абстракционизм и конечность: от феноменологии смерти к предельности искусства / А. И. Сацукевич // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 124–131. – DOI 10.37482/2687-1505-V410.

© Сацукевич А.И., 2025

Original article

Abstractionism and Finitude: From the Phenomenology of Death to the Ultimacy of Art

Anna I. Satsukevich

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,

e-mail: AU10029@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0218-5902>

Abstract. The article attempts to prove a thesis according to which the general cultural Western phenomenon of death in philosophy – that of history (Hegel, Marx, Kojève), subject (Foucault), God (Nietzsche), substance (relativism, nihilism), author (Barthes, Foucault) and human (Deleuze, Braidotti, Land, Negarestani) – is symmetrical to the transition from the mode of phenomenological consideration of consciousness to the experience of abstract art overcoming finitude. Abstractionism expresses the “artistic model of death”, the possibility of the truth of finitude in the era of the “end of history”. The purpose of this article is to analyse abstractionism as the limit of the phenomenology of consciousness, where aesthetic forms define the overcoming of the finitude of human existence. Finitude in abstractionist creation ceases to mean limitation, opening up a pure possibility of death. The proposed conceptualization of death through abstractionism and phenomenology reproduces a paradoxical gap. On the one hand, it preserves the finitude of “non-objective” art, which lends itself to phenomenological consideration by revealing the eidetic level of the work. On the other hand, it paves the way for the transgressive function of abstract art, demonstrating the finitude of phenomenology itself, since death is not a phenomenon. Thus, a model of “fading life”, or “eternal life” of death and large narratives in cultural dominions, is reproduced: a never-ending series of deaths in philosophy and art is recreated, which is reflected in phenomenological thought. At the same time, the death of the subject, substance and the end of history has already happened, which is manifested in the ultimate forms of expression used by abstractionism. This speaks of the “symmetry” or “correlativity” of two processes, namely, the development of post-Kantian philosophical thought within the framework of phenomenology and the development of abstract art.

Keywords: *phenomenology of death, finitude, abstract art, contemporary art, aesthetics*

For citation: Satsukevich A.I. Abstractionism and Finitude: From the Phenomenology of Death to the Ultimacy of Art. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 124–131. DOI: 10.37482/2687-1505-V410

Тема смерти восходит к истокам возникновения философии. Философия как искусство умирать [1] имплицитно содержит предел концептуализации. Как следствие, предел самой философии в качестве строгой науки, следующей «принципу всех принципов» [2], – смерть.

Несмотря на то, что в подлинном смысле она есть моя собственная [3], смерть никогда не предстает в качестве феномена – она никогда не дана в качестве *моей* смерти. Назовем эту проблему *трудной проблемой феноменологии*¹. Смерть классифицируется в модальности,

¹Следует упомянуть, что в качестве конкурирующих теорий могут выступать проекты, классифицирующие несуществующие и небытийствующие объекты, однако смерть не является ни объектом, ни событием, но принципиально – не-событием, если признавать ее ничтожащий онтологический статус.

необходимой и неизменной [4], однако не предстает в качестве феномена, в связи с чем в рамках феноменологии реализуются различные косвенные способы ее концептуализации. В фундаментальной онтологии М. Хайдеггера она предстает в качестве связующего экзистенциала (бытие-к-смерти), выступая антропологическим маркером стремления к подлинной жизни [5], что также уклоняется от данности *собственно* смерти. Невозможность разрешения проблемы исследования смерти в рамках феноменологии и соблюдения имманентистской программы находит свое выражение в поздней феноменологии Э. Гуссерля, получившей название монадологии, в рамках которой он постулирует неуничтожимость, или бессмертие, монады – ее затухание, или ее сон [6]. Однако подобное решение нельзя в строгом смысле назвать последовательно посткантiansким, поскольку оно предполагает выход не только за пределы *возможного* опыта, но и за пределы *реального* опыта.

Рабочее определение смерти требует не быть иммерсионным – это позволяет повторить дистанцию, на которой совершается вовлечение темы смерти в историю философии и ее неисчерпаемое возобновление. Тематика смерти лежит в основании гуссерлианского проекта феноменологии – в процедуре воздержания от суждения в реальности существования вещей за пределами наличной данности в опыте. Смерть в качестве «приостановки существования» вводится в феноменологию Гуссерля посредством заключения в скобки внешнего существования мира [2], или эпохи, посредством феноменологической редукции. Если «смерть как реальность человеческого существования» выражается как «смерть биологическая, смерть сознания и смерть социальная» [7], то, приостанавливая естественную установку, смертью человеческого существования в феноменологии следует назвать смерть естественного способа данности мирности мира: наличный опыт по-прежнему есть, однако изменяется точка отсчета; утрачивается то непосредственное отношение к миру, в ко-

тором человек пребывает в своей обыденной экзистенции в рамках естественной установки.

По замечанию А. Шюца, эпохе феноменологической установки предельно необъяснимо, если только не допустить, что существует множество регионов, или миров, пребывание в которых реализует собственное эпохе. В случае же естественной установки не подвергается сомнению существование внешнего мира, не испытывается экзистенциальная тревога, а фокус внимания фиксирован на реализации проекта, верховным миром которого выступает мир работы [8]. Продолжая линию концептуализации, релевантную для феноменологии, смерть реализуется двояким образом: 1) выполняет функцию определения региона, что обеспечивает его автономию и независимость; 2) является операцией, которая позволяет реализовывать трансгрессию, или выход за пределы наличного региона, или мира, в иной, в частности из мира естественной установки в мир феноменологический, или в мир грез [8, 9]. Однако подобная концептуализация смерти в рамках многомировой феноменологии А. Шюца ограничена, собственно, все еще присутствующим отсутствием: обладая памятью о том, что возможно изменение или возможен переход из одного региона в иной, смерть в феноменологии по-прежнему ускользает от предельной концептуализации. Смерть устремляется к своему пределу, по ту сторону сознания. К историческому мышлению.

Рекурсия танатоса: прогрессия смерти в философии. Предел философии есть завершение ее построения, но он есть не исторический ее предел, а логический, и находит свое выражение в метафизике Гегеля – любое отрицание спекулятивной системы инкорпорируется в нее [10]. Для абсолютного духа смерть не представляет угрозы – смертно лишь конечное существо. Материал конечного существа суть разрешенные противоречия, используемые для восхождения абсолютного духа к себе самому. Для философии наступает череда смертей, которым нет конца, но нет и завершения: конец истории (Гегель, Маркс, Кожев), смерть субъекта (Фуко), смерть Бога (Ницше), смерть

субстанции (релятивизм, нигилизм), смерть автора (Барт, Фуко), смерть человеческого (Делез, Брайдотти, Ланд, Негарестани) наследуют агональности греческого истока философии, переходя в агонию истории философии. Сама смерть и история, если следовать Б. Гройсу, находятся в особом рекурсивном отношении: «Дискурс о конце истории аннулирует исторически новое прежде всего своей собственной радикальной новизной. Кажется, что речь идет здесь о предельной, непреодолимой новизне – нет и не может быть ничего более нового, нежели новость о конце всего нового» [11, с. 148]. Череда подобных смертей объединена утратой фундаментального основания, в силу которого тот или иной нарратив выступает в качестве господствующего. Рефлексивная петля, замыкающая *нарратив* собственно на самом *нарративе*, не позволяет ей более разомкнуться, кроме как перейдя на новый круг, повторяя движение захвата на *еще одном* сюжете – такова логика негативности и самозамыкания абсолютного духа на себе самом².

Чем может быть объяснено пролонгированное преодоление [13] конца больших нарративов – «вечная жизнь» смерти? Тезис настоящей статьи заключается в том, что философия как строгая наука, следующая принципу всех принципов Гуссерля, не способна концептуализировать смерть, поскольку смерть не является феноменом – обратное бы означало смерть самой философии. Череда смертей в философии реализует производство нового. Рекурсивное обращение к предельным концептам философии позволяет реконцептуализировать [14], а также осуществлять реинжиниринг [15] понятий, несмотря на то, что подобное переизобретение совершает новое лишь во-вне философии – в иных доминио-

нах культуры [14]. Однако единство доминионов культуры находит свое выражение в симметричности изменений – череда смертей в философии симметрична концу искусства [16, 17], к которому относят абстрактное искусство.

На пути решения. Абстрактное искусство направлено не на мимесис в отношении реальности, не на ее копирование и подражание, как это происходит в искусстве классическом, но на производство ирреального, поскольку «в своем разрушении реальности искусство исходит из разрушения телесности мира, увеличивая свою абстрактность и уменьшая материальную объективацию, стараясь отказаться от наличного мира» [7, с. 16]. Абстрактное искусство, выходя за пределы мимесиса реальности, выражает то, что в искусстве подражательном существует в превращенных формах. Высвобождение формы посредством развенчания реальности в ирреальном характеризует абстракционизм как направление, которое ставит перед собой задачу эмансипации от конечных определений реальности; высвобождение ее абсолютного содержания – неумолимость разрушения, смерти и конечности, которые содержатся в искусстве как подражании. Логика подражания уже несет в себе увядание, поскольку копия несоизмеримо уступает оригиналу [18]. Разрыв, в частности, *отражен* в нигилистической традиции философии [19].

Ж. Бодрийяр в работе «Заговор искусства» подчеркивает, что в основании любой человеческой деятельности уже-всегда находится «ничто» совместно с миром, который отныне подвластен спекуляции: «...искусство (современное) еще могло бы относиться к проклятой доле, могло бы быть своего рода драматической альтернативой реальности, выражая собой вторжение ирреального в реальное.

²На это указывает и современный исследователь в области кибернетики Юк Хуэй, обращая внимание на то, что кибернетика, названная Хайдеггером победившей метафизикой, несет в себе опасность самозамыкания возможностей [12], вследствие чего техническая рекурсивность впредь может перестать впускать в себя новую возможность, или контингентность, и утратить связь с внешней реальностью – перестать адаптироваться к окружающей среде. Решением же выступает проработка вопроса о множественной космотехнике – умножении регионов, которые создают внутреннюю конкуренцию по взаимной адаптации, что может быть сопоставлено с общим принципом правил клеточного автомата.

Но что еще может означать искусство в мире уже гиперреальном, холодном [cool], транспарентном, коммерциализированном?» [20, с. 241]. Он пишет, что апроприация обыденности и банальности выстраивает современный идеологический дискурс системы ценностей – нигилистическое «заражение» западных ценностей в искусстве выхолощено коммерциализацией ее целей. Пустотность повторения произведений искусства сводится в пределе не к прибыли в капитале. Попытки преодоления не способны произвести окончательное завершение в силу присутствия смерти в качестве процесса разложения: «Тема опыта смерти, которую чаще всего стремятся изгнать из предмета искусства, – это фактически и тема “опыта витальности”, опыта актуализации собственно витальности как данности, а не размышлений о ней. Витальность проживается полноценно там, где есть осознание предстояния перед смертью. И само творчество, пока это творчество плодоносит, способно вытаскивать человека из бездны» [21, с. 312].

На место изображения смерти приходит смерть не только содержимого, но и самой формы любых феноменов, что является отличительной характеристикой абстракционизма. Абстракционизм есть предел феноменального. Натэлла Сперанская характеризует абстракционизм как то, что дает художнику «метод абстрактный, непрактичный, нерационалистичный» [22, с. 5], чтобы реализоваться в «*попытках выразить невыразимое, абстрактное искусство стремилось к тому, чтобы обнаружить “вещь в себе”, решительно отказавшись от создания копий*» [22, с. 7]. Иными словами, абстракционизм в качестве приема выражения является не-методом – он стремится к тому, чтобы *перестать* быть. В связи с этим абстракционизм выступает в качестве парадигмального варианта реализации смерти в искусстве, но никак не направлением некро-реализма [23], которое, напротив, является в большинстве своем неоклассическим направлением, поскольку тяготеет к миметическим формам выражения (достаточно привести в пример картины и фотографии Евгения Юфита

и Владимира Кустова). Абстракционизм, наоборот, уничтожает мимесис посредством растворения феноменальности, разрушая устойчивые очертания сформированных механизмов апперцепции, переводя их в пластичность и гибкость или, в противовес, очищая плавные очертания до предельной концентрации, выкалывающей и срезающей «грань игл».

Абстрактное искусство как инфра-феноменальное выражение смерти. В ходе жизнедеятельности человек приобретает привычки [24], которые оседают в нем в качестве трансценденций, организующих и структурирующих его опыт. Они фиксируют его феноменальную данность, сковывают его, погружая в антропологический сон, в котором нет ничего, кроме «застывших образов» [25, с. 781]. Воображение как предельная человеческая способность [26, 27] ослабевает, и вслед за интерпретацией Хайдеггера «Критики чистого разума» Канта [28] мы можем сказать, что время как само-аффектация лишь приближает собственную смерть.

Телесность является наиболее релевантной [29] зоной соприкосновения феноменологии и искусства. Феноменология не способна концептуализировать смерть в качестве смерти, поскольку смерть не является феноменом – она есть неданность неданности. Однако абстрактное искусство (см., например, «Картину с тремя пятнами № 196» Кандинского), средствами выразительности которого являются трансгрессия форм, резкость очертаний или, напротив, мягкость и контрастность фигур, размывает устоявшийся, скованный трансцендентальный «аппарат». Доведение до пределов «очищает» эмпирическое созерцание и вовлечение в установки, описанных средствами феноменологии А. Шюца.

Предложенная концептуализация взаимоотношений конца искусства и смерти парадоксальным образом воспроизводит и раскрывает эйдетический уровень произведения искусства, неподвластный времени. Ставка на конечность, абсолютизацию конечности позволяет выполнить локальное высвобождение от времени, которым уничтожается все, что когда-либо возникает во времени [4]. Воз-

вращение конечности и смертности, в свою очередь, позволяет тематизировать конечность произведения искусства как необходимость его существования и, как следствие, неустранимость самой конечности. Конечность сопровождает каждый акт художественного творения, но реализуется в абстракционистском творении особым образом: она перестает мыслиться как ограниченность произведения искусства, как нехватка в субстанциональности, запечатленная в невозможности превзойти миметический первоисточник – художника, природу, вдохно-

венность и наваждение. Однако очищение абстракцией сущего открывает его чистую возможность, возможность быть иным или не быть вовсе, или контингентность [30] – вечную смерть жизни, которая возвращается лишь затем, чтобы утвердить собственную конечность, обращаясь в свою противоположность – в умерщвление смерти, которым абстракция раскрывает необходимость существования. Феноменология смерти находит свое симметричное выражение и полную реализацию в искусстве абстрактном – в искусстве, в котором смерть *уже* умерла.

Список литературы

1. Платон. Федр // Платон. Собр. соч.: в 4 т. / общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; примеч. А.А. Тахо-Годи. Т. 2 / пер. с древнегр. С.А. Анангина и др. М.: Мысль, 1993. С. 135–191.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / пер. с нем. А.В. Михайлова, вступ. ст. В.А. Куренного. М.: Акад. Проект, 2009. 489 с.
3. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
4. Чанышев А. Трактат о небытии // Философия и о-во. 2005. № 1. С. 5–15.
5. Ростова Н. Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека: моногр. М.: Проспект, 2017. 432 с.
6. Husserl E. Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Dritter Teil: 1929–1935. Haag: Nijhoff, 1973. 741 S.
7. Ковалевский А.А. Трансформация смерти в искусстве // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. Гуманит. исслед. 2016. № 3(12). С. 15–18.
8. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. В.Г. Николаева и др.; сост. Н.М. Смирнова; общ. и науч. ред., послесл. Н.М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004. 1054 с.
9. Гиренок Ф. Море грез. URL: <https://fedor-girenok.ru/more-grez/> (дата обращения: 04.08.2024).
10. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 700 с.
11. Гройс Б.Е. Философ после конца истории // Ускользящий контекст. Русская философия в постсоветских условиях: материалы конф. М.: Ad Marginem, 2002. С. 147–160.
12. Юк Хуэй. Рекурсивность и контингентность / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: V-A-C Press, 2020. 398 с.
13. Ухин М. Сосуществование метафизик, или Реальное (не) в зоне доступа: способны ли мы отказаться от рефлексии? // Еще один. 2024. № 1(1). С. 231–266.
14. Кузнецов В. Постнеклассическое единство мира. М.: Рипол-Классик, 2023. 461 с.
15. Chalmers D.J. What Is Conceptual Engineering and What Should It Be? // Inquiry. 2020. Vol. 63. P. 1–18. <https://doi.org/10.1080/0020174X.2020.1817141>
16. Danto A.C. The End of Art: A Philosophical Defense // Hist. Theory. 1998. Vol. 37, № 4. P. 127–143. <https://doi.org/10.1111/0018-2656.721998072>
17. Danto A.C., Horowitz G., Huhn T. The Wake of Art: Criticism, Philosophy, and the Ends of Taste. London: Routledge, 2013. 240 p.
18. Делёз Ж. I. Платон и симулякр // Делёз Ж. Логика смысла: пер. с фр. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая кн., 1998. С. 329–346.
19. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культур. революция, 2005. 880 с.

20. Бодрийяр Ж. Совершенное преступление. Заговор искусства / пер. с фр. А.В. Качалова. М.: Рипол-Классик / Панглосс, 2019. 347 с. (Фигуры философии).

21. Кривицун О.А., Беспалов О.В., Проклов И.Н., Беликова М.А., Флорковская А.К., Лукина Г.У., Савенко С.И., Дуцев М.В., Сальникова Е.В., Ступин С.С., Карпов А.В., Мутья Н.Н. Витальность искусства: подходы к исследованию // Худож. культура. 2021. № 1. С. 304–353.

22. Сперанская Н. [Анти]духовность искусства. На подступах к новому методу // Эвола Ю. Абстрактное искусство / пер. с итал., фр. А.Г. Дугина, с фр. В.И. Карпец. М.: Евраз. движение, 2012. С. 5–16.

23. Мазин В. Нереальная реальность: (ф)акт репрезентации // Memento vivere, или Помни о смерти: сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: Academia, 2006. С. 196–208.

24. Блауберг И.И. Истоки бергсонизма. Философия Феликса Равессона / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2014. 187 с.

25. Бергсон А. Непосредственные данные сознания // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память: пер. с фр. Минск: Харвест, 1999. С. 781. (Классич. филос. мысль).

26. Кант И. Соч.: в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1964. Т. 3. Критика чистого разума. 799 с.

27. Гиренок Ф.И. Кант, Хайдеггер и проблема метафизики // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Философия. 2013. № 2. С. 86–97.

28. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики / пер. с нем. и послесл. О.В. Никифорова. М.: Логос, 1997. 143 с.

29. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Ювента: Наука, 1999. 606 с.

30. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург: Кабинет. ученый, 2015. 195 с.

References

1. Plato. Fedr [Phaedrus]. Plato. *Sobranie Sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Moscow, 1993, pp. 135–191.
2. Gusserl' E. *Idei k chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. Kniga pervaya* [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. Book One]. Moscow, 2009. 489 p.
3. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen, 1993 445 p. (Russ. ed.: Khaydegger M. *Bytie i vremya*. Moscow, 1997. 451 p.).
4. Chanyshv A. Traktat o nebytii [A Treatise on Non-Being]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2005, no. 1, pp. 5–15.
5. Rostova N. *Izgnanie Boga. Problema sakral'nogo v filosofii cheloveka* [The Expulsion of God. The Problem of the Sacred in Philosophical Anthropology]. Moscow, 2017. 432 p.
6. Husserl E. *Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Texte aus dem Nachlass. Dritter Teil: 1929–1935*. The Hague, 1973. 741 p.
7. Kovalevskiy A.A. Transformatsiya smerti v iskusstve [Transformation of Death in Art]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*, 2016, no. 3, pp. 15–18.
8. Schütz A. *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Selected Works: A World Radiating Meaning]. Moscow, 2004. 1054 p.
9. Girenok F. *More grez* [A Sea of Dreams]. Available at: <https://fedor-girenok.ru/more-grez/> (accessed: 4 August 2024).
10. Gadamer H.-G. *Wahrheit und Methode: Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik*. Tübingen, 1960. 486 p. (Russ. ed.: Gadamer Kh.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki*. Moscow, 1988. 700 p.).
11. Groys B.E. *Filosof posle kontsa istorii* [Philosopher After the End of History]. *Uskol'zayushchiy kontekst. Russkaya filosofiya v postsovetskikh usloviyakh* [The Elusive Context. Russian Philosophy in Post-Soviet Conditions]. Moscow, 2002, pp. 147–160.
12. Yuk Hui. *Recursivity and Contingency*. London, 2019. 337 p. (Russ. ed.: Yuk Khuey. *Rekursivnost' i kontingentnost'*. Moscow, 2020. 298 p.).
13. Ukhin M. *Sosushchestvovanie metafizik, ili Real'noe (ne) v zone dostupa: sposobny li my otkazat'sya ot refleksii?* [Coexistence of Metaphysical Systems: The (Not Quite) Reality in the Public Domain: Can We Win Through

Reflection?]. *Eshche odin*, 2024, no. 1, pp. 231–266.

14. Kuznetsov V. *Postneklassicheskoe edinstvo mira* [Post-Non-Classical Unity of the World]. Moscow, 2023. 461 p.

15. Chalmers D.J. What Is Conceptual Engineering and What Should It Be? *Inquiry*, 2020, vol. 63, pp. 1–18.

<https://doi.org/10.1080/0020174X.2020.1817141>

16. Danto A.C. The End of Art: A Philosophical Defense. *Hist. Theory*, 1998, vol. 37, no. 4, pp. 127–143.

<https://doi.org/10.1111/0018-2656.721998072>

17. Danto A.C., Horowitz G., Huhn T. *The Wake of Art: Criticism, Philosophy, and the Ends of Taste*. London, 2013. 240 p.

18. Deleuze G. I. Platon i simulyakr [I. Plato and the Simulacrum]. Deleuze G. *Logika smysla* [The Logic of Sense].

Moscow, 1998, pp. 329–346.

19. Nietzsche F. *Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vseh tsennostey* [The Will to Power. Revaluation of All Values].

Moscow, 2005. 880 p.

20. Baudrillard J. *Sovershennoe prestuplenie. Zagovor iskusstva* [The Perfect Crime. The Conspiracy of Art].

Moscow, 2019. 347 p.

21. Krivtsun O.A., Bepalov O.V., Proklov I.N., Belikova M.A., Florkovskaya A.K., Lukina G.U., Savenko S.I., Dutsev M.V., Sal'nikova E.V., Stupin S.S., Karpov A.V., Mut'ya N.N. Vital'nost' iskusstva: podkhody k issledovaniyu [Vitality of the Art: Approaches to Research]. *Khudozhestvennaya kul'tura*, 2021, no. 1, pp. 304–353.

22. Speranskaya N. [Anti]dukhovnost' iskusstva. Na podstupakh k novomu metodu [Anti]Spirituality of Art. Towards a New Method]. Evola J. *Abstraktnoe iskusstvo* [Abstract Art]. Moscow, 2012, pp. 5–16.

23. Mazin V. Nereal'naya real'nost': (f)akt reprezentatsii [The Unreal Reality: A F(Act) of Representation]. *Memento vivere, ili Pomni o smerti* [Memento vivere, or Remember That You Die]. Moscow, 2006, pp. 196–208.

24. Blauberger I.I. *Istoki bergsonizma. Filosofiya Feliksa Ravessona* [The Origins of Bergsonism. The Philosophy of Félix Ravaisson]. Moscow, 2014. 187 p.

25. Bergson A. Neposredstvennye dannye soznaniya [The Immediate Data of Consciousness]. Bergson A. *Tvorcheskaya evolyutsiya. Materiya i pamyat'* [Creative Evolution. Matter and Memory]. Moscow, 1999. p. 781.

26. Kant I. *Sochineniya. T. 3. Kritika chistogo razuma* [Works. Vol. 3. The Critique of Pure Reason]. Moscow, 1964. 799 p.

27. Girenok F.I. Kant, Khaydegger i problema metafiziki [Kant, Heidegger and the Problem of Metaphysics]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Filosofiya*, 2013, no. 2, pp. 86–97.

28. Heidegger M. *Kant i problema metafiziki* [Kant and the Problem of Metaphysics]. Moscow, 1997. 143 p.

29. Merleau-Ponty M. *Phénoménologie de la perception*. Paris, 1945. 531 p. (Russ. ed.: Merlo-Ponti M. *Fenomenologiya vospriyatiya*. St. Petersburg, 1999. 606 p.).

30. Meillassoux Q. *Après la finitude: Essai sur la nécessité de la contingence*. Paris, 2006. 189 p. (Russ. ed.: Meiyasu K. *Posle konechnosti: esse o neobkhodimosti kontingentnosti*. Yekaterinburg, 2015. 195 p.).

Information about the author

Информация об авторе

А.И. Сацкевич – аспирант кафедры философской антропологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4).

Anna I. Satsukevich, Postgraduate Student, Philosophical Anthropology Department, Lomonosov Moscow State University (address: Lomonosovskiy prosp. 27, korp. 4, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia).

Поступила в редакцию 05.08.2024

Одобрена после рецензирования 19.12.2024

Принята к публикации 25.12.2024

Submitted 5 August 2024

Approved after reviewing 19 December 2024

Accepted for publication 25 December 2024